

Неделя на родине

Мне отсвистели соловьи лет тридцать
Тому назад, кукушку ж вопрошать
Уже слабо. Пшеница колосится
За кладбищем (там и отец, и мать).

Но стоит мне сойти среди зелёных –
Не северных – полей или аллей,
Ищу я детство в постаревших клёнах
Пирамидальных курских тополей.

Искать-то можно, да найти попробуй:
Не легче, чем сбежавшую весну.
Щепотку чернозёма высшей пробы
Задумчиво я в пальцах разомну.

Нет, важно взвешивать не стану колос –
Я не инспектор родине, о нет.
Но позвоню – и дрогнет мой «привет»,
Как всякий вдалеке мужавший голос.

Здравствуй, дождь неурочный! Спой мне песню своих дальних странствий:
Дробен ритм твоих капель и брызг на оконном стекле.
Расскажи, что там нового в горнем – и гордом – пространстве –
Для тебя первородной, но смертных смущающей мгле.

Что впитал ты в себя – гастарбайтеров пот, копоть кем-то присвоенных фабрик,
Пыль со скольких – ночными дорогами сбитых – солдатских подошв?
Пригласи на свой призрачный – или прозрачный – воздушный кораблик:
Не молчи, ты ведь сам постучался в ночное окно моё, дождь.

Не коси, собеседник мой мокрый, своим многоопытным взглядом
(Что-то много косых развелось на когда-то великой Руси):
Спой мне арию струй, что резвятся подобно наядам,
И меня – если хочешь, конечно, – о чём-нибудь тоже спроси.

По поводу одного недоразумения

У дам от культуры здесь губы не дуры:
Пока нас слепили снега, снегири,
Посредством посредственной литературы
Оседлано стадо пегасов в Твери.

Союз амазонок устойчивой ренты
Вкушает наследственный вызревший плод,
Сектанты по имени интеллигенты
Свой скепсис несут в присмиривший народ.

Всё новое к нам пробивается долго,
И «долго» – скорее столетье, чем год.
Молчанием виды выдавшая Волга
Покроет и этот смешной эпизод.